

партийных курсах. В 1924 и 1933-34 гг. он в качестве председателя районной комиссии участвовал в партийных чистках (7). Это не помогло пережить ему страшные годы репрессий. 3 февраля 1938 г. он был арестован. Это явилось большим ударом для молодого исторического факультета (8). Вильгельму Ансвесулу было предъявлено обвинение в занятиях шпионажем с 1925 г. в пользу Латвии, а также в создании в Свердловске террористической группы для совершения терактов над руководителями партии и правительства. 8 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Вильгельм Карлович Ансвесул был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества (9).

Через много лет, в 1955 г. дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. Стало ясно, что обвинения было сфабриковано из показаний самого Ансвесула и лиц осужденных совершенно по другим делам. Сами следователи, состряпавшие дело, были осуждены по приговору военного трибунала войск НКВД Уральского округа в ноябре 1940 г. (10).

1. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 43. Л. 6.

2. Там же.

3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 43. Л. 16.

4. Там же.

5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 43. Л. 14.

6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 87. Л. 1.

7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 43. Л. 6.

8. Кулагина Г.А. Истоки исторического образования на Среднем Урале // Вторые Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 113.

9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 87. Л. 9.

10. Там же.

Сливков В.А.

Кредитные кооперативы Тобольского округа в годы новой экономической политики

Начало XX в. в истории России, это период бурного расцвета кооперативного движения. Наиболее распространенным формой кооперирования населения были сельские кредитные товарищества. В 1917 г. в них насчитывалось 10, 5 млн. чел. или 44% от всех участников кооперации. Однако развитию кредитной кооперации был положен конец Октябрьской революцией. Проводившаяся новым правительством политика «военного коммунизма» привела к разрушению финансово-кредитных институтов и натурализации хозяйственной жизни. По отношению к кредитной кооперации логическим шагом этой политики явился декрет СНК от 21 января 1920 г., фактически означавший ее ликвидацию (1).

Новой вехой в истории развития кооперативного движения стали годы нэпа. Сельская кредитная кооперация в этот период не получила такого же распространения, как до революции. Главной причиной этого было

отношение государства к подобной форме объединений. Признав возможность использования кооперации для кредитования деревни, советское правительство не смогло отказаться от сохранения своей доминирующей роли в этом процессе и привнесения в финансирование крестьянских хозяйств строгой социальной направленности. В этом отношении интересной является возможность проследить влияние социального фактора на работу сельских кредитных кооперативов на местах.

Выполнение сельскохозяйственной кооперацией кредитных функций, было разрешено Декретом СНК «О кредитной кооперации» от 24 января 1922 г. (2). Несмотря на многочисленные трудности, началась работа по созданию и развитию ссудно-сберегательных товариществ. В Тобольском округе этот процесс начался с запозданием. Только в 1924 г., с появлением в регионе представительства Уральского сельскохозяйственного банка, проводятся мероприятия по укреплению и оздоровлению кредитной сети, в частности была предоставлена материальная помощь кооперативам в виде ссуд в основные капиталы и оборотные средства. По данным источников, уже через год в Тобольском округе было 10 сельскохозяйственных кредитных товариществ. В течение последующих трех лет их количество увеличилось более чем в 3 раза, охватив примерно 16,5% дворов (3). Процесс к объединению широких крестьянских масс для обслуживания путем кредита их производственных нужд с первых же дней находился под контролем Уральского сельскохозяйственного банка. Причиной этому является тот факт, что основным источником пополнения бюджета кредитных кооперативов были займы Центрального сельскохозяйственного банка. Количество привлекаемых от населения средств было незначительно – примерно 5% от всех оборотных средств товариществ, а в 1927 – 1928 гг. они полностью перестали поступать (4). Это свидетельствует о формировании в Тобольском округе фактически государственной системы кредитования сельского хозяйства. Ссудно-сберегательным товариществам отвалилась роль посредника между государством и крестьянином.

В первые годы нэпа советская власть предоставляла кооперативам относительную свободу действий, участие в их работе ограничивалось лишь рекомендациями обращать внимание на отсталые слои деревни. Это давало возможность на местах руководствоваться прежде всего экономическими факторами, а не политической конъюнктурой. Поэтому примерно 52% всех выданных кредитов в 1925 г. в Тобольском округе попали в руки зажиточных крестьян имевших более 3 десятины земли и не менее 4 голов рабочего скота (5).

К 1926 г. экономика страны достигла довоенного уровня развития, а в некоторых отраслях и превзошла его. Главная задача нэпа – восстановление народного хозяйства – была выполнена, поэтому во второй половине 20-х годов советская власть начала подготовку к реализации новой

программы строительства социализма. В деревне основные силы должны были быть направлены на борьбу с зажиточными элементами и на создание крупных коллективных хозяйств.

Государство, через УСХБ, все активнее требовало от первичной сети «кредитование зажиточных хозяйств совершенно прекратить», а основную часть кредитов направлять на поддержку бедняцких и середняцких хозяйств и колхозов (6). Реакцией на подобные требования стала фальсификация отчетной документации. Так, например, инспектор Уральского сельскохозяйственного банка, указывал в своем отчете, что в Тобольском сельскохозяйственном товариществе «кредиты попадали не всегда к действительно нуждающемуся в нем населению и были случаи выдачи их зажиточному населению, отнеся их к беднякам» (7). «Классовая» направленность кредитов возрастала. В общей сумме кредита, отпущенного через кооперацию, доля колхозов поднялась с 15,5% в 1928 г. до 32,2% в 1929 г., простейших производственных объединений – с 30,1 до 39,7%, а единоличных крестьян сократилась с 54,4 до 28,1%. Доля хозяйств, отнесенных к кулацким, в кредитах резко снизилась в 1929 г. – до 0,2% (8).

Таким образом, в первые годы проведения новой экономической политики государство, в данном случае в лице Уральского сельскохозяйственного банка, предоставляла свободу действий кредитным товариществам. Но ситуация кардинально изменилась во второй половине 20-х годов, когда власть пересматривает свое отношение к нэпу и усиливает контроль над кооперацией. Главный фактор в работе кредитных товариществ теперь становится не экономический, а социальный.

1. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 90. Ст. 912.

2. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 12. Ст. 110.

3. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 563.

4. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 85. Л. 80; Д. 66. Л. 48.

5. Клачев И. Вопросы сельскохозяйственного кредита в Тобольском округе // Тобольский край. Тобольск, 1926. № 1. С. 26.

6. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 85. Л. 143.

7. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 146. Л. 20.

8. ТФ ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 56. Л. 34.

Соколова Е.С.

Дворянская служба на рубеже XVIII – XIX вв. глазами мемуаристов (опыт реконструкции внутрисословной картины мира)

В 1774 г. Москва праздновала заключение мира с Турцией. Среди приехавших в «первопрестольную столицу» на торжества находился А.Т.Болотов, занимавший должность управляющего Киясовской волостью, которая входила в личный удел Екатерины II. В своих записках Болотов не скрывает того, что поездка в Москву была затеяна не из верноподданических чувств, а ради удовольствия жены и тещи, «которым